

„Сиб. Жизнь“, гдѣ онъ помимо публицистическихъ работъ печатаетъ на протяжении трехъ лѣтъ въ высшей степени цѣнные воспоминанія. Огмѣченные нами крупнѣйшіе моменты исторіи сибирской общественности краснорѣчиво говорятъ, что сибирская передовая интеллигенція объединяется именно вокругъ опредѣленнаго центра, во главѣ организацій, или ихъ идейнымъ вдохновителемъ является Г. Н. Потанинъ.

Въ этомъ залогъ, что его идеи пронизываютъ всю общественную жизнь Сибири, — а онъ говоритъ: „областническая тенденція—то же, что мѣстный патриотизмъ. Отрицать ее — это значить лишать сибиряка права на мѣстный патриотизмъ, на сибирефильство. Областническая тенденція будетъ существовать, пока существуетъ Сибирь“.

М. Шатиловъ.

Большой сибирскій дѣдушка.

(Изъ личныхъ встрѣчъ съ Г. Н. Потанинымъ).

I.

Сибирь страна особенная, гдѣ рядомъ съ каторгой и звономъ кандаловъ еще недавно уживались и буйная воля, и безконтрольный произволь, и гдѣ въ средѣ полудикихъ аборигеновъ вы и теперь неожиданно можете встрѣтить просвѣщеннѣйшаго европейца, а въ толпѣ злодѣевъ-каторжанъ—подвижника за свѣтлыя идеи...

Но Сибирь не только мѣсто для каторги и ссылки. На десяти милліонахъ квадратныхъ верстъ ея пространства могло-бы помѣститься десять добрыхъ государствъ, каждое съ своимъ особеннымъ климатомъ, съ своимъ особеннымъ народомъ, съ своими особенными бытомъ, языкомъ и вѣрою.

Достаточно сказать, что въ то время, какъ на югѣ Сибири зрѣютъ яблоки и вишни—на сѣверѣ якутскихъ тундръ бушуютъ снѣжныя метели.

И все это—Сибири!

И если-бы все это невообразимое пространство было отведено для одной ссылки и каторжныхъ остроговъ—какой-же величины должна-бы быть тогда метрополия, чтобы, выдѣливши изъ себя преступный элементъ, заполнить имъ „штрафную“ колонію?..

Отнеси насъ, Господи, даже отъ подобнаго опостыленія!

Однако, взявшись за статью для зауральскаго читателя, я невольно переживаю обидное опасеніе, что большинство нашихъ братьевъ по отчизнѣ, обитающихъ за западнымъ склономъ Урала, непременно связываютъ съ родиной нашей—каторгу и ссылку и по одному этому считаютъ всю Сибирь страной съ низшей, воровской расой...

Во всякомъ случаѣ такое мнѣніе о Сибири было вѣкогда у правящаго Петербурга, который и держалъ Сибирь на подозрѣніи и волочилъ ее на поводкѣ.

Поэтому не удивительно, что опальная страна Сибирь, во всемъ отставшая отъ своей одноотечественницы Россіи, по крайней мѣрѣ на сто лѣтъ, отброшенная на тысячи верстъ отъ ея центровъ и предоставленная суровой власти безконтрольных управителей, дѣйствительно,

влачила жалкое существованіе. А между тѣмъ по своимъ географическимъ и природнымъ даннымъ она имѣла всѣ права на экономическое и культурное процвѣтаніе и самоопредѣленіе.

Вотъ почему неопѣнны заслуги того, кто первый явился выразителемъ идеаловъ и отважнымъ борцомъ за лучшее будущее Сибири.

А этимъ первымъ выразителемъ идей и борцомъ за права своей отчизны былъ никто иной, какъ простой казачій офицеръ Григорій Николаевичъ Потанинъ, впоследствии создавшій цѣлое теченіе областническихъ тенденцій и вынесшій на плечахъ своихъ не только великій подвигъ испытаній за правое дѣло, но и славу культурнаго преуспѣянья своей родины.

Благодаря Потанину и его младшему товарищу Ядринцеву былъ созданъ первый сибирскій университетъ. Потанинъ положилъ начало прогрессивной печати въ Сибири; Потанинъ явился однимъ изъ пионеровъ въ области сибирской этнографіи и собиранія естественно-географическихъ и иныхъ научныхъ матеріаловъ о Сибири; Потанинъ первый поднялъ вопіющій инородческой вопросъ; Потанину принадлежитъ инициатива въ созданіи сибирскихъ высшихъ женскихъ курсовъ... Многие Потанинъ сдѣлалъ, но главное—Потанинъ пробудилъ гражданское самосознаніе въ сибирскомъ обществѣ и создалъ цѣлую эпоху благороднѣйшихъ движеній общественной мысли Сибири.

Въ день исполнившагося 80-лѣтія со дня рожденія Г. Н. Потанина мнѣ хотѣлось-бы подѣлиться съ читателемъ своими впечатлѣніями отъ личныхъ встрѣчъ и бесѣдъ съ этимъ замѣчательнымъ человекомъ.

Я не вхожу въ оцѣнку или сколько-нибудь исчерпывающую характеристику заслугъ и трудовъ Г. Н. Потанина. Это сдѣлаютъ люди болѣе компетентные и вооруженные болѣе обширнымъ матеріаломъ.

Моя задача—отмѣтить лишь часть тѣхъ, на мой взглядъ, характерныхъ чертъ въ личности великаго сибиряка, изъ которыхъ въ свое время будетъ созданъ вполне законченный портретъ Григорія Николаевича.

Вѣроятно, уже подрастаетъ тотъ художникъ, который возьмется за эту крупную и ответственную работу. Несомнѣнно, навапливаются и материалы для полнаго изображенія Потанина, какъ гражданина и ученаго, какъ путешественника и писателя, а главнымъ образомъ — какъ человѣка, котораго сейчасъ за скромною обстановкой современники еще не разглядѣли съ должными вниманіемъ и серьезностью.

II.

Въ первый разъ о личности Г. Н. Потанина я услышалъ въ Семипалатинскѣ въ октябрьскіе дни 1905 года, когда Семипалатинская интеллигенція устраивала заочное чествованіе его по случаю семидесятилѣтія со дня рожденія.

Тогда, въ связи съ событіями въ Томскѣ и съ арестомъ маститаго старца, было много о немъ толковъ. Меня очень поразила мысль о томъ, что всѣми чтимый семидесятилѣтній старецъ и ученый, труды котораго почитаетъ Императорское Географическое Общество, — вдругъ посаженъ подъ замокъ!

Впрочемъ, вѣроятно, не на одну юношескую душу это обстоятельство подѣйствовало поучительно... Не одни глаза раскрылись шире на истинную правду окружающихъ условій жизни.

Съ тѣхъ поръ я жадно перечитывалъ все то, что появлялось въ „Сибирской Жизни“ за подписью „Григ. Потанинъ“. Но, признаюсь чистосердечно, въ рядѣ статей и незначительныхъ замѣтокъ Потанина, я не находилъ чего-либо особо выдающагося. Все было очень умно, авторитетно, гладко, но и только... Мѣстами мнѣ эти статьи казались даже скучными и слишкомъ спеціальными. Однако, я внимательно прочелъ коротенькую біографію Потанина въ энциклопедическомъ словарѣ, гдѣ очень скупо сказано о его большихъ монгольскихъ путешествіяхъ. Къ путешественникамъ по Пржевальскому я относился съ затаеннымъ восхищеніемъ и все-таки, читая скромныя статьи Потанина въ „Сиб. Жизни“, не былъ ими удовлетворенъ, а отъ этого и ореолъ путешественника надъ Г. Н. казался мнѣ блѣднѣе, чѣмъ я хотѣлъ.

Тогда мнѣ захотѣлось почитать самыя записки о путешествіи Потанина въ Монголію, но въ Семипалатинскѣ я въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ не могъ достать его книгъ. И только въ концѣ 1907 г. въ Петербургѣ въ Публичной бібліотекѣ, мнѣ быстро подали огромные два тома „Записки о сѣверо-западной Монголіи“.

Прежде всего я былъ пораженъ количествомъ написаннаго. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы одинъ человѣкъ, хотя-бы и въ продолженіе длинной жизни, могъ столько написать объ одной какой-то басурманской сторонѣ.

„Должно быть, скучнѣйшая исторія!.. — подумалъ я. — И откуда берется терпѣніе у этихъ ученыхъ мужей — сидѣть и писать?.. А главное — зачѣмъ такъ много?“

Я сѣлъ за столъ и рѣшилъ провести часъ за чтеніемъ просто изъ приличія. Мнѣ казалось, что буду зѣвать и пропаду отъ скуки за чтеніемъ этого убористо-напечатаннаго казеннаго изданія. Особенно меня смущали пестрѣвшія латинскія названія растений.

Но, прочитавши нѣсколько страницъ, я не замѣтилъ, что уже сижу въ экипажѣ рядомъ съ добрымъ и надежнымъ другомъ и ѣду по чужой, далекой сторонѣ, гдѣ взглядъ мой и слухъ и вниманіе заняты замѣчательно интересными мелочами и подробностями путешествія. А совсѣмъ особенный пейзажъ, особенные люди, птицы, звѣри, особенные способы передвиженія и эти безграничныя, высоко лежащія плоскогорія — все это перенесло меня въ тотъ невѣдомый міръ, который еще въ дѣтствѣ представлялся въ незамысловатыхъ сказкахъ о Востокахъ.

Позже, когда я встрѣтился и съ самыми сказками въ „Тунгусо-Тибетской окраинѣ“ и другихъ внушительныхъ монографіяхъ Г. Н. и когда усвоилъ, что по этимъ живымъ вѣхамъ ученый идетъ вглубь прошедшаго и ищетъ человѣка и его возвышенныя истины, что здѣсь въ кропотливомъ трудѣ пытливымъ умъ этнографа разгадываетъ обломки легендарно-величаваго храма Соломона, храма мудрости — я вскорѣ-же проникнулся благоговѣйнымъ чувствомъ къ старѣйшему ученому сибиряку.

А еще черезъ годъ мнѣ представился случай и встрѣтиться съ нимъ лично. Это было въ Томскѣ 28 декабря 1908 года.

Въ эти дни была открыта въ Томскѣ первая выставка сибирскихъ художниковъ, и тамъ я увидѣлъ замѣчательный портретъ Г. Н. въ натуральную величину, написанный художницей Базановой, женой недавняго ректора Томскаго университета, теперешняго попечителя Кіевского учебнаго округа.

Другая профессорша В. П. Соболева, большая покровительница молодой сибирской поэзіи и искусствъ, ужасно хлопотала тогда, чтобы рѣдкій портретъ былъ приобрѣтенъ какимъ-либо томскимъ-же общественнымъ учрежденіемъ, а не попалъ-бы въ руки не-сибиряковъ.

Этотъ портретъ, служившій возмездъ выставки, былъ причиною того, что возлѣ имени Потанина особенно много было толковъ, и я, приѣхавшій въ Томскъ на нѣсколько дней, рѣшилъ во что бы то ни стало лично поклониться всѣми обожаемому старику, глядѣвшему съ портрета такимъ добрымъ дѣдушкой-лѣсовикомъ.

III.

Первое, что бросилось въ глаза, это болѣе чѣмъ скромно обставленная небольшая комната и письменный столъ съ рукописями, искусственными грибками и вещицами, хорошо выписанными на портретѣ.

Григорій Николаевичъ мнѣ показался очень низенькимъ, но коренастымъ и очень волоса-

тымъ, какъ Вій. Онъ встрѣтилъ меня на порогѣ своей комнаты, почти столкнувшись со мною и внимательно, почти недружелюбно, какъ показалось мнѣ, поглядѣлъ мнѣ въ лицо. Онъ былъ одѣтъ въ черный, старый скюртукъ и сверхъ его прикрытъ сѣрымъ пледомъ.

Отрекомендовался я очень пространно и, волнуясь, сталъ извиняться за беспокойство. Григорій Николаевичъ выслушалъ меня внимательно и, подвинувши мнѣ стулъ, глухо произнесъ только:

— Гм!..—и сѣлъ въ свое кресло.

Онъ мнѣ показался очень усталымъ и дряхлымъ, а главное, я почему-то заключилъ, что онъ тяжелъ на ухо и очень громко сталъ изъяснять ему мотивы моего прихода.

Въ заключеніе своего объясненія, получившагося, благодаря моему волненію, весьма, должно быть, витиеватымъ, я подалъ ему приобѣтительный на выставкѣ фотографическій снимокъ съ его портрета и попросилъ сдѣлать на немъ свой автографъ.

Григорій Николаевичъ помолчалъ, подумалъ, взялъ перо и, спросивъ у меня имя и отчество, написалъ: „многоуважаемому“ и т. д. Припоминая теперь этотъ свой поступокъ и громкія слова въ тихой комнатѣ одинокаго ученаго, я теперь сгораю отъ стыда за свою назойливость и въ то же время благоговѣнно вспоминаю этотъ незаслуженно-мягкій пріемъ и уступчивость Григорія Николаевича. Болѣе того, понявъ неловкость восторженнаго молодого человѣка, Григорій Николаевичъ не хотѣлъ ее почувствовать. Онъ даже постарался выручить своего посѣтителя и началъ съ нимъ разговоръ, какъ съ равнымъ, о выставкѣ, о новостяхъ дня и о томъ, что начинающимъ сибирскимъ литераторамъ слѣдуетъ сгруппироваться въ Томскѣ и начать свой молодой органъ, чтобы не подвергаться репрессіямъ со стороны пожилыхъ и потому не снисходительныхъ редакторовъ.

На высовомъ комодѣ въ числѣ другихъ книгъ лежала стопка брошюръ Г. Н. „Областническая тенденція въ Сибири“, и на прощаніи Г. Н. у меня спросилъ:

— Вы читали это?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Прочтите,—и онъ далъ мнѣ одну книжечку.

Радостно я вернулся въ свою квартиру и въ ту же ночь, прочтя брошюру, былъ пораженъ слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ брошюрѣ вкратцѣ излагалась исторія мысли объ областничествѣ и выходило такъ, что самъ Г. Н. былъ только скромнымъ соучастникомъ „талантливаго гимназиста Ядринцева“ въ созданіи этой мысли, хотя Ядринцевъ и моложе Г. Н. на цѣлыхъ десять лѣтъ.

Эта изумительная скромность умалчивать о себѣ и приписывать заслуги всецѣло другому дополнила чашу перваго моего восхищенія передъ личностью благороднѣйшаго человѣка...

Но я былъ еще болѣе пораженъ предупреди-

тельностью и рѣдкостной заботливостью Г. Н., когда назавтра, встрѣтившись съ нимъ въ университетскомъ музеѣ, получилъ отъ него адресъ студента Шатилова и совѣтъ:

— Познакомьтесь съ нимъ, а онъ введетъ васъ въ молодое „Общество изученія Сибири“, только что организованное.. Это для васъ будетъ полезно.

Я познакомился съ Шатиловымъ, взялъ у него уставъ общества и, уѣхавъ къ себѣ въ Омскъ, кое-что написалъ объ этомъ обществѣ въ нашемъ маленькомъ „Омскомъ Словѣ“. И вдругъ вскорѣ-же, недѣли черезъ двѣ, получаю отъ Г. Н. обширное письмо, въ которомъ онъ подробно совѣтуетъ, какъ надобно будировать общественную мысль о новой нуждѣ сибиряковъ: о необходимости созданія сибирскимъ обществомъ своихъ высшихъ женскихъ курсовъ...

Письмо было настолько интересно, что я его, почти цѣликомъ, за полной подписью автора и напечаталъ, за что навлекъ на себя основательный гнѣвъ Г. Н.

„Вы сами должны были написать статью, а не печатать частное письмо безъ моего согласія!..“—выговаривалъ онъ мнѣ.

Но этотъ благородный гнѣвъ меня еще больше привязалъ къ прямой и идеально чистой натурѣ Потанина, который сталъ для меня воплощеніемъ того прекраснаго, чему я долженъ послужить.

И осенью 1909 года, послѣ закрытія администраціей „Омскаго Слова“, я переселился въ Томскъ, гдѣ уже почти каждый день могъ видѣть и слышать Г. Н., окруженнаго интересными и образованными людьми и цѣлой толпою влюбленной въ него молодежи.

IV. ■

Г. Н. какъ-то такъ себя поставилъ съ молодежью, что всѣ начинающіе литераторы, поэты, художники, студенты и курсистки, учителя и учительницы, тянувшіеся въ нему, какъ растенія къ солнцу, чувствовали въ немъ не дѣдушку, не строгаго наставника, не генерала отъ литературы и науки, а старшаго, хорошаго, простого, добраго товарища, съ которымъ дерзали даже спорить и шутить и который и самъ всѣхъ баловалъ своими шутками и разсказами о смѣшномъ, а главное—сказками о Востокѣ.

Однако, отдавая своимъ друзьямъ и почитателямъ пятничные вечера, Г. Н. никогда не желалъ дѣлать изъ себя центра вниманія. Напротивъ, онъ предоставлялъ своимъ гостямъ полную свободу говорить о чемъ угодно, спорить, читать и только, когда не было того или другого матеріала, всѣ обращали свои взоры на Г. Н. и начинали разными вопросами выводить его изъ состоянія внимательнаго слушателя.

И только тогда, а это повторялось каждый разъ, Г. Н., объясняя какую-либо этнографическую деталь въ „молитвенной мельницѣ“ буд-

дйскаго ламы, или какой-либо вариантъ бога Арья-Вало, или просто отвѣчая на вопросъ о чемъ-либо, вначалѣ медленно и тихо, съ паузами, приводилъ какое-либо мудрое изреченіе изъ восточныхъ сказокъ и легендъ, а потомъ, оживляясь и овладѣвши вниманіемъ всѣхъ, рассказывалъ и самую легенду или сказку. Рассказъ его при этомъ складывался сочно, мудро, иногда переходилъ въ тонкую, художественную сатиру, а иногда, наоборотъ, захватывалъ своей поэзіей и уносилъ на высоту Полярной Звѣзды— „Золотой Коль“, за который восточные волшебники, путешествуя по небу, привязываютъ своихъ коней.

Такимъ образомъ, не желая дѣлать изъ себя центра вниманія, онъ былъ имъ всегда, не только у себя дома, но и у другихъ.

Впрочемъ, всюду и всегда появленіе Г. Н-ча всѣхъ настраивало превосходно. Даже на публичныхъ общественныхъ засѣданіяхъ благоговѣнное вниманіе большинства обращается въ ту сторону, гдѣ находится скромная фигура сѣдовласаго товарища. А во время перерывовъ онъ постоянно окруженъ цѣлой свитой общественныхъ дѣятелей, молодежи, дамъ и дѣвушекъ и, скромно потирая руки, не многосложно произноситъ свое рѣдкое, но постоянно мудрое, простое слово.

Но секретъ такой любви и всеобщаго обожанія, конечно, заключался не только въ мудрости, въ учености или принесенныхъ на общественный алтарь жертвахъ, но и еще въ чемъ-то, что заключается въ самой личности Григорія Николаевича, въ его душѣ и сердцѣ.

Этимъ магическимъ притягивающимъ элементомъ была и есть, конечно, та высоко-идеальная нравственная чистота и цѣльность, которыя ковались въ теченіе всей его долгой и подвижнической жизни.

Послѣ паломничества моего въ мартѣ 1909 г. къ Л. Н. Толстому я очень часто позволялъ себѣ сравнивать этихъ двухъ російскихъ старцевъ и, преклоняясь передъ величавою фигурой Толстого, я не находилъ въ немъ той цѣльности и неподдѣльной простоты, какими обладаетъ скромный, по сравненіи съ Толстымъ, сибирскій дѣдушка.

Въ то время, какъ аристократъ Толстой въ мятежныхъ исканіяхъ своихъ безсмертныхъ образовъ и истины позналъ и хмель грѣха, и сладость свѣта, когда онъ, будучи уже пророкомъ и великимъ мудрецомъ, на виду всего міра хотѣлъ и не могъ уйти отъ соблазновъ міра и, какъ скованный левъ, метался въ желѣзной клеткѣ мишурной роскоши, тщетно пытаясь опроститься—скромный, никѣмъ не прославляемый, простой и неизмѣнно кроткій, всегда нуждающийся сибирякъ шелъ прямо по своей демократической и тернистой дорогѣ къ единой свѣтлой истинѣ—ко благу своей родины. Это, конечно, далеко не то, что благо всего міра, но въ конечномъ пунктѣ идеалы обоихъ

старцевъ сходятся: Толстой говорить: „царствіе Божіе внутри насъ“, сущность потанинскаго идеала: „пусть каждая область зажжетъ свое солнце и вся земля будетъ иллюминирована“.

Не мудрено поэтому, что для сибиряковъ Потанинъ то же, что Толстой для всѣхъ обремененныхъ духовною жаждою и скорбью людей міра.

Наши скорби болѣе реальны, болѣе просты, но и для разрѣшенія ихъ намъ нуженъ добрый и авторитетный другъ. Этимъ другомъ для Сибири и являлся всегда Григорій Николаевичъ, какъ Толстой былъ другомъ всего міра.

V.

На пятницы къ Григорію Николаевичу стало собираться народу такъ много, что его небольшая комната для этого стала очень мала. И онъ нашелъ себѣ другую на Гоголевской улицѣ у доктора Рязанова.

Но какъ жить на злополучные 25 руб. въ мѣсяцъ, которые онъ получалъ, какъ пенсію за свои научные труды?

Одинъ изъ друзей Г. Н-ча, секретарь „Сибирской Жизни“ Вс. М. Круговскій, а съ нимъ и другіе, въ томъ числѣ А. В. Адриановъ, начинаютъ склонять Потанина писать свои воспоминанія, дабы, помимо незначительнаго гонорара за случайныя его статьи, печатаемая исключительно въ „Сибирской Жизни“, онъ могъ имѣть болѣе опредѣленный заработокъ.

Разумѣется, друзья Потанина попутно хотѣли обогатить сибирскую литературу столь цѣнными мемуарами. Но Гр. Ник. наотрѣвъ отказался это дѣлать.

— Когда я былъ въ кадетскомъ корпусѣ, то меня постоянно муштровали и заставляли дѣлать то, чего я не хотѣлъ,—отвѣтилъ онъ однажды мнѣ на вопросъ о причинѣ его отказа.— Вотъ и теперь, когда я чувствую, что меня неволятъ, мнѣ кажется, что меня снова будутъ муштровать... Другое дѣло, когда я пишу о томъ, о чемъ добровольно подсказываетъ мнѣ мой мозгъ. Да и мои воспоминанія едва-ли кому-нибудь нужны и интересны. И непріятно мнѣ писать о себѣ.

Было очень прискорбно потерять надежду когда-либо прочесть о замѣчательномъ полувѣкѣ, въ которомъ дѣятельно прожилъ Г. Н-чъ, и нѣкоторые изъ насъ все чаще стали навѣщать его и заводить бесѣды о его прошломъ, чтобы потомъ дома все записывать и сохранять.

Не подозрѣвая этого коварства, Гр. Н-чъ охотно отвѣчалъ на разспросы и иногда подробно вспоминалъ о дѣтствѣ, о юношескихъ годахъ, о путешествіяхъ, о современникахъ, о разныхъ случаяхъ изъ прошлаго Сибири. Но Григорій Николаевичъ всегда рассказывалъ такъ, что самъ онъ былъ лишь постороннимъ наблюдателемъ какихъ-либо поучительныхъ и интересныхъ случаевъ или исторій. Если-же каса-

ласть рѣчь его самого, то онъ всегда рисовалъ себя въ какомъ-либо забавномъ положеніи и непремѣнно въ рамкѣ своихъ сибирефильческихъ идей.

Но однажды, именно 16 февраля 1910 года, мнѣ удалось вызвать Г. Н-ча на личныя воспоминанія о самомъ раннемъ дѣтствѣ.

— Родился я,—разсказывалъ Григорій Николаевичъ,—въ Ямышевской казачьей станицѣ, въ верховьяхъ рѣки Ишима. Отецъ мой былъ казачьимъ эсауломъ, но былъ разжалованъ за то, что одинъ казакъ, его любимецъ, учинилъ междоусобную войну между казаками и солдатами. Отецъ все прощалъ своему любимцу, въ критическую минуту заступился за него и былъ разжалованъ. Послѣ этого онъ занялся хозяйствомъ, а потомъ, когда умерла его жена, а моя мать, онъ сталъ пить. Я отъ матери остался пятилѣтнимъ. Черезъ годъ меня взялъ къ себѣ на воспитаніе мой дядя, богачъ, имѣвшій до десяти тысячъ однихъ только лошадей. Онъ былъ женатъ на сестрѣ богатѣйшаго томскаго купца, золотопромышленника и губернскаго прокурора Горохова. Этотъ Гороховъ былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что устраивалъ сказочные пиры у себя въ домѣ. На Пасхѣ, напримѣръ, съ визитомъ къ нему являлись всѣ высшія власти, а губернаторъ со всей свитой. Вице-губернаторъ потомъ перешелъ къ нему даже на службу.

Но вотъ я прожилъ у своего дяди годъ съ небольшимъ,—продолжалъ Григорій Николаевичъ,—и мой богатый дядя умеръ. Меня опять отправили къ отцу, который пилъ уже запоемъ, и я сталъ играть на улицахъ станицы въ бабки съ казачатами.

Однако, овдовѣвшая тетка, жившая въ Семипалатинскѣ, выходитъ за новаго семипалатинскаго городничаго барона Гюлесеми фонъ-Мершейдъ, остзейскаго нѣмца и бывшего студента дерптскаго университета, и, вспомнивъ обо мнѣ, снова беретъ меня со станичной улицы въ свои роскошныя палаты.

Нѣмецъ - городничій, не знавшій совершенно русскаго языка, отправляясь въ Сибирь, мечталъ пополюить европейскую науку новыми матеріалами о средней Азіи, но, застрявши въ Семипалатинскѣ городничимъ и женившись на богатой вдовѣ, увлекся фантастическими способами прожитія легко доставшихся ему средствъ. Впослѣдствіи онъ сталъ сибирскимъ золото-промышленникомъ.

Здѣсь уже меня воспитываютъ, какъ барчука, спать укладываютъ въ удобную кроватку, а по утрамъ затягиваютъ въ неудобный корсетъ, заботясь о будущей моей красотѣ. Я расту въ средѣ двухъ своихъ двоюродныхъ сестеръ и брата. Четверо мы проводимъ довольно весело около трехъ лѣтъ, когда меня уже десятилѣтняго отдають въ омское войсковое казачье училище, въ томъ же году преобразованное въ Сибирскій кадетскій корпусъ...

Тутъ уже начинается мое отрочество,—закончилъ съ улыбкою Гр. Н-чъ.

VI.

Повадившись ходить къ Гр. Ник-чу, я въ слѣдующій - же разъ началъ спрашивать его о кадетскомъ корпусѣ. Но дѣдушка не сталъ мнѣ разсказывать о себѣ, а повелъ рѣчь о своемъ школьномъ товарищѣ, киргизскомъ сынѣ Чоканѣ Валихановѣ.

И такъ какъ судьба Чокана, будучи интересна сама по себѣ, тѣсно связана съ судьбою самого Гр. Н-ча, я вкратцѣ приведу дѣдушкинъ о немъ разсказъ:

— Былъ въ Омскѣ нѣкій офицеръ казачій Сотниковъ, большой чудакъ и протестантъ противъ стѣненій и условностей. Онъ лѣтомъ сбивалъ волосы, одѣвался по-киргизски и ѣхалъ въ степь, жилъ тамъ въ юртѣ. Какъ-то онъ залѣтовалъ и у Чингиса Валиханова, послѣдняго потомка знатныхъ хановъ. У Чингиса было два сына: Якубъ и Чоканъ. Сотниковъ, живя въ отдѣльной юртѣ, и предложилъ Чингису:

— Дай ты мнѣ для европейскаго образованія хоть одного сына!

Ханъ Чингисъ подумалъ и отдалъ ему Якуба. Но Якубъ, проживъ у Сотникова одинъ день, въ первую-же ночь тайкомъ убѣжалъ отъ него изъ юрты. Тогда Чингисъ отдалъ ему Чокана. Чоканъ оказался терпѣливѣе и способнѣе Якуба и привыкъ къ Сотникову настолько, что уѣхалъ съ нимъ въ Омскъ и поступилъ въ кадетскій корпусъ на одинъ годъ позже меня.

Не знаю почему, но меня тянуло къ этому шустрому киргизенку, и мы часто уходили съ нимъ за стѣны корпуса, глядѣли въ туманную даль степи и вслухъ мечтали о томъ, что выучимся и будемъ служить каждый своему народу: онъ—киргизскому,—а я казачьему...

Григорій Николаевичъ, разсказывая, ходилъ по комнатѣ и уже пошатывался отъ того, что у него завружилась голова отъ постоянныхъ поворотовъ. Онъ помолчалъ, остановился и весело расхохотался:

— Тогда я мечталъ о жизни въ Алтайскихъ горахъ и почему-то представлялъ ихъ не больше тѣхъ могильныхъ холмиковъ въ степи, на которые мы поднимались съ Чоканомъ для того, чтобы шире окинуть взглядомъ степь...

Григорій Николаевичъ помолчалъ еще.

— Чоканъ окончилъ корпусъ раньше меня на цѣлый годъ. Это былъ замѣчательно способный юноша. Между прочимъ, онъ былъ вхожъ въ самый просвѣщенный въ Омскѣ домъ Капустинныхъ. Самъ Капустинъ былъ совѣтникомъ при управленіи западной Сибирью и хотя былъ просвѣщенный и видный человекъ, но не онъ былъ центромъ притяженія всѣхъ мѣстныхъ и проѣзжихъ культурныхъ людей. Притягивала въ домъ его вторая жена Екатерина Ивановна, сестра извѣстнаго химика Менделѣева. Это была замѣчательная, истинно культурная женщина.

Въ этотъ-то домъ Чоканъ и былъ вхожъ и отсюда каждый вечеръ возвращался съ интереснѣйшими новостями, рассказывая которыя, онъ возбуждалъ во мнѣ яраго спорщика. Будучи моимъ самымъ близкимъ другомъ—съ нимъ единственнымъ я былъ на „ты“, онъ не могъ примирить меня съ тѣмъ духомъ, которымъ заражался въ домѣ Капустиныхъ: я былъ горячимъ монархистомъ, а онъ критиковалъ образъ моихъ мыслей и приводилъ мнѣ убійственныя данныя. Такъ было даже и послѣ окончанія нами корпуса, когда мы оба были офицерами.

Григорій Николаевичъ молодое обернулся ко мнѣ и спросилъ:

— Вы не читали сочиненій Чокана Валиханова?.. Въ предисловіи къ нему есть мой некрологъ о немъ... — добавилъ онъ и снова замолчалъ...

Быть можетъ, онъ вернулся къ неумолимой дѣйствительности, уже придавившей могильнымъ холмомъ друга его юности.

Чтобы отвлечь его отъ тяжелаго раздумья я спросилъ:

— Какимъ-же образомъ, Григорій Николаевичъ, и когда вы изъ монархиста превратились въ протестанта?

— А это очень просто. Мнѣ раскрылъ глаза и переворотилъ мое мировоззрѣніе петрашевецъ Дуровъ, который былъ сосланъ въ Омскъ и съ которымъ меня познакомилъ Чоканъ, не смогшій самолично переубѣдить меня...

Впрочемъ, объ этомъ Григорій Николаевичъ подробно говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, на писаніе которыхъ въ теченіе пѣтихъ двухъ лѣтъ его двузья все-таки склонили, и въ „Сибирской Жизни“ съ января 1913 года съ нѣкоторыми перерывами „Воспоминанія“ Г. Н. Потанина печатаются и до сихъ поръ.

Это замѣчательные мемуары, написанные прекраснымъ, классически простымъ и красочнымъ языкомъ, полные глубокаго интереса ко всему, чего касается перо и память дѣдушки.

Въ этихъ „Воспоминаніяхъ“, между прочимъ, мы находимъ и болѣе подробные рассказы о кадетскихъ годахъ, о Чоканѣ Валихановѣ и о томъ, что администрація корпуса, отдѣливъ казацкихъ дѣтей отъ дѣтей разныхъ видныхъ разночинцевъ, сама „заложила сѣмена культурно-сибирскаго сепаратизма“...

„Роту (дѣти привилегированныхъ разночинцевъ) помѣстили въ бель-этажъ, а эскадронъ (дѣти казаковъ)—въ нижнемъ этажѣ,—вспоминаетъ Гр. Ник. — Ротные смотрѣли на себя, какъ на дворянъ; изъ бель-этажа исходилъ свѣтъ и падалъ на насъ... Бель-этажъ—это была Европа, нижній этажъ—Азія. Въ бель-этажѣ учили нѣмецкому языку, въ нижнемъ этажѣ—татарскому.“

Зато мы, начитавшись Гоголя о казакахъ и Запорожской Сѣчи, почувствовали себя республиканцами и послѣ ярче опредѣлился нашъ демократизмъ“.

VII.

Рассказывалъ мнѣ Григорій Николаевичъ, какъ онъ въ Томскѣ познакомился съ Бакунинымъ, какъ попалъ „съ казацкаго сѣдла на университетскую скамью“, какъ ѣхалъ въ Петербургъ съ караваномъ золота и серебра, какъ жилъ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Ядринцевымъ и какъ затѣмъ совершилъ первое большое путешествіе въ Туркестанъ.

Всѣ эти рассказы въ значительной работѣ попали затѣмъ въ соотвѣтствующія главы его мемуаровъ,—хотя, къ сожалѣнію, еще и не вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ,—и я не стану комкать ихъ въ своей статьѣ.

Мнѣ очень хотѣлось-бы передать читателю лишь нѣкоторые штрихи изъ рассказа Гр. Н-ча о его каторгѣ, на тему о которой я никакъ не могъ осмѣлиться заговорить съ нимъ. Къ тому же въ мартѣ 1910 года въ Томскѣ пріѣхалъ съ Алтая художникъ Гуркинъ, и Григорій Николаевичъ посвятилъ себя всецѣло хлопотамъ по устройству его выставки. А весной онъ благословлялъ меня въ первое мое путешествіе на Алтай, въ верховья рѣки Убы, въ раскольничьи скиты.

Такъ мы съ нимъ до зимы и не видѣлись.

Но вотъ зимою, вернувшись съ матеріалами о русскихъ старовѣрахъ на Убѣ, я прочелъ докладъ въ Обществѣ изученія Сибири и Г. Н., какъ-бы въ награду за мои труды, сталъ ко мнѣ еще добрѣе и охотнѣе сталъ удѣлять мнѣ часы своего досуга. Впрочемъ, въ эту зиму онъ былъ особенно счастливъ: 26 октября 1910 г. въ Томскѣ торжественно открылись сибирскіе высшіе женскіе курсы.

25 января 1911 г. я пришелъ къ нему съ жалобой на „Сибирскую Жизнь“. Она не пропустила мой рассказъ „Пришельцы“, мотивируя свою „браковку“ тѣмъ, что въ рассказѣ слишкомъ много сибирефильства.

Надо сказать правду, что у „Сибирской Жизни“ бывали періоды, когда она переходила отъ редактора къ редактору, и если одинъ редакторъ очень любилъ Сибирь, то другой ее не долюбивалъ. Одинъ печаталъ много беллетристики, другой всю беллетристику изгонялъ и заполнялъ газету статьями по исторіи или по торговому праву, смотря по тому, какую кафедру занималъ профессоръ, редактировавшій газету.

Да и вообще въ „Сибирской Жизни“ происходили большія колебанія въ настроеніяхъ. Однажды она бросила въ корзину рассказъ одного автора. Авторъ послалъ рассказъ въ столицу. Тамъ его напечатали. Тогда газета помѣщаетъ о рассказѣ хвалебную замѣтку.

Словомъ, я не безъ основанія апеллировалъ къ Г. Н-чу. Г. Н. заставилъ меня прочесть рассказъ, внимательно его выслушалъ и взялся отстаивать его передъ „Сибирской Жизнью“.

Однако, назавтра-же, придя къ нему, я услышалъ, что рассказъ все-таки не пойдетъ.

Тотъ, кто забраковалъ рассказъ, всталъ на дыбы. Онъ говоритъ, что рассказъ воспитываетъ злое чувство къ типу переселенца, который давить вашего сибиряка.

Я подчинился приговору редактора, но не былъ съ нимъ согласенъ.

— Значитъ, вы недостаточно художественно изобразили правду!—сказалъ Г. Н., почти всегда уклоняющійся отъ суда надъ беллетристикой.

Помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Историкъ Костомаровъ не былъ художникомъ, однако, такъ написалъ свою статью о великороссахъ и малороссахъ, что когда читаетъ ее малороссъ, то чувствуетъ нотку презрѣнія къ „москалю“, а когда читаетъ статью великороссъ, то же чувствуетъ по отношенію къ „хохлу“.

Ученый Бееръ, — продолжалъ Г. Н., — сказалъ о малороссахъ, что они „трудятся для того, чтобы жить, а великороссы живутъ для того, чтобы трудиться“. Въ вашихъ „Пришельцахъ“ для меня этотъ взглядъ оправдывается, но я не сталъ спорить съ редакторомъ.

Вотъ въ этихъ заключительныхъ словахъ сказала одна изъ главныхъ чертъ Г. Н., который никогда и ничью волю не хотѣлъ подчинять своей, предоставляя каждому свободно поступать и думать, но излагая лишь свои мысли и примѣромъ жизни показывая, какъ должно жить.

Я былъ настроенъ задорно въ этотъ день и припомнилъ злободневный случай: въ технологическомъ институтѣ происходили студенческіе непорядки и явившійся туда попечитель округа затопалъ на профессоровъ ногами, какъ на прислугу, и ни одинъ профессоръ не заявилъ ему о своемъ достоинствѣ.

— Вы не хотите повліять духовно, а тамъ на нихъ вліяютъ почти физически!—закончилъ я свою тиралу.

Г. Н. нисколько на меня не разсердился за мой тонъ, напротивъ, онъ чему-то добродушно улыбнулся и, произнесши свое „гм!“, немного помолчалъ.

— Да, они теперь стали молчаливы,—послѣ паузы сказалъ Г. Н. о профессорахъ. — Но, можетъ быть, это потому, что имъ трудно переломить свой возрастъ. Въдь, это не юноши-студенты, это все почтенные люди. Можетъ быть, имъ трудно оторвать себя отъ кафедры, отъ науки—и вотъ они терпятъ. Другое дѣло, когда человѣкъ молодъ... Вотъ когда я былъ молодъ и меня присудили въ каторгу, я на это посмотрѣлъ, какъ на рыцарское испытаніе, на возможность закалиться.

Вотъ когда и совершенно неожиданно Г. Н. самъ заговорилъ о своей каторгѣ.

Я выбросилъ изъ головы свою профессиональную обиду и прежде всего спросилъ:

— А вамъ, Г. Н., эти каторжные воспоминанія теперь не причиняютъ боли?

— Нисколько!—съ живостью отвѣтилъ онъ.

— Расскажите, ради Бога.

— Да я теперь почти уже забылъ все... Помню только, что одинъ корпусъ каторжной тюрьмы былъ наполненъ только клопами, а другой—только блохами...

Г. Н. при этомъ весело расхохотался.

— Вы садитесь, если устали со мною ходить. Я привыкъ припоминать на ходу.

Я, дѣйствительно, усталъ ходить по комнатѣ съ неутомимымъ Г. Н. и, какъ это ни невѣжливо, усѣлся въ уголокъ, а Г. Н., продолжая ходить, сталъ рассказывать.

VIII.

— Вы слыхали, вѣроятно,—началь Г. Н.,— что давнымъ давно въ Сибири было такое дѣло „о сепаратистахъ“. Молодые люди, семнадцать человѣкъ, хотѣли въ Сибири устроить штаты, какъ въ Америкѣ... Вотъ по этому самому дѣлу и приговорили меня на 15 лѣтъ въ каторжные работы. Передъ этимъ я просидѣлъ еще въ тюрьмѣ три года. Потомъ почему-то нашли смягчающія мою вину обстоятельства и сократили срокъ каторги до пяти лѣтъ... Ядринцева и другихъ присудили къ ссылке на поселеніе..

Теперь передъ властями всталъ cardinalнѣйшій вопросъ,—Г. Н. снова засмѣялся:— куда отправить меня и ссылкой-поселенцевъ? Въдь каторга и ссылка вся въ Сибири, а мы нашими сибирефильческими идеями и въ каторгѣ, и въ ссылкѣ могли заразить всю Сибирь!?

По высочайшему повелѣнію и сослали всѣхъ моихъ товарищей въ Вологодскую, Олонецкую и другія дальнія губерніи, а меня рѣшили водворить въ исправительныя арестантскія роты въ Свеаборгъ...

— Тамъ всѣ были въ кандалахъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, только одного меня держали въ кандалахъ, такъ какъ одинъ я былъ „на правахъ“ каторжанина... Но кандалы мои были тонкіе, изящные,—шутилъ Г. Н.,—но длинныя, и я ихъ носилъ подъ своими сѣрыми панталонами. Помню, когда я проходилъ съ конвоемъ по городу, то дѣти прислушивались къ моей походкѣ и кричали: „вонъ, смотрите, дядя идетъ съ желѣзными ногами“...

Только вотъ кормили отвратительно! — продолжалъ рассказывать Г. Н.—Но я еще находился въ лучшихъ условіяхъ. Видите-ли, у фельдфебеля нашей роты была такая политика, что онъ сортировалъ арестантовъ: худшихъ съ худшими, болѣе сносныхъ съ болѣе сносными, а лучшихъ съ лучшими. Меня удостоили этой группы.

— Это были интеллигентные люди?

— Ничуть не бывало! Все простые солдаты, только одинъ былъ унтеръ-офицеръ Преображенскаго полка; разсудительный и степенный. Въ

группѣ лучшихъ былъ, впрочемъ, и такой, на душѣ котораго было 19 убійствъ. Всѣ они ко мнѣ относились очень хорошо. Когда я впервые пришелъ къ нимъ, то чувствовалъ себя очень неловко и совѣтъ не зналъ порядковъ. Они сами мнѣ даже шей начерпали.

Щи принесли въ квашенкѣ, напоминавшей шайку. Шей выдавалось—шайка на каждые шесть арестантовъ, а мяса по одной одиннадцатой фунта на арестанта, значить на шесть человекъ чуть-чуть больше полфунта. Мясо еще на кухнѣ раздергивалось на тонкія волокна и всыпалось внизъ, такъ что въ шайкѣ было два слоя: сверху — жижа, а внизу — волокна мяса. Когда приносятъ щи въ камеру, то ставятъ шайку на столъ и всѣ вразъ начинаютъ черпать ложкой въ свои котелки. Черпаютъ такъ, чтобы снизу не брать, за этимъ строго слѣдятъ товарищи. И вотъ когда подойдетъ къ мясу, то дѣлается ложкою ударъ по шайкѣ и раздается команда: „Начинай!“. И тогда быстро берутъ ложками мясо, кто сколько успѣетъ, а затѣмъ расходятся по своимъ нарамъ и ѣдятъ съ чернымъ хлѣбомъ, котораго выдавалось по девять фунтовъ на три дня каждому.

На работы выводили насъ рано, когда еще въ окнахъ тюремъ свѣтились огоньки. Меня чаще всего назначали на „щерблюху“ — дробить камень, часто я ходилъ пилить и колоть дрова. Работа эта для меня была спасеньемъ, такъ какъ переполненныя камеры (вмѣсто 250 арестантовъ по комплекту, всегда содержалось 400) были зловонны и клоповъ было такъ много, что холщевые туфляки для соломы похожи были на грязный красный ситецъ: когда арестантъ спалъ, то, ворочаясь съ боку на бокъ, положительно купался въ клопахъ и въ выпущенной ими изъ него крови.

Потомъ во время лѣта меня назначили въ огородъ копать гряды, носить воду и полоть. Помощникъ коменданта офицеръ часто заговаривалъ со мною о политикѣ и литературѣ, онъ позволялъ мнѣ отдыхать и даже иногда усаживалъ...

Прошло три года. Пріѣхалъ ревизовать тюрьму генералъ Анненковъ. Всѣхъ арестантовъ выстроили въ рядъ, а меня отдѣльно.

Анненковъ спросилъ, почему я стою отдѣльно? Ему отвѣтили, что я каторжный.

— Какъ такъ?—изумился Анненковъ. Ему объяснили и сказали, что въ сибирскихъ каторжныхъ тюрьмахъ существуетъ законъ о сокращеніи срока тѣмъ, которые хорошо себя ведутъ, а въ Свеаборгѣ такого закона нѣтъ, такъ какъ тюрьма не каторжная.

На вопросъ тюремнаго начальства, что со мною дѣлать, Анненковъ отвѣтилъ:

— Онъ присланъ сюда внѣ закона и вы съ нимъ поступите внѣ закона! Напишите обо всемъ мнѣ подробно, и я его представлю къ сокращенію срока.

Анненковъ уѣхалъ, и вскорѣ мнѣ, дѣйстви-

тельно, срокъ сократили на семь мѣсяцевъ и, снявъ кандалы, уравнили „въ правахъ“ съ другими арестантами.

Спустя еще нѣкоторое время меня зовутъ ротный и, показывая на напечатанный въ газетѣ манифестъ, спрашиваетъ:

— Ты какъ думаешь: подойдешь ты подъ этотъ манифестъ?

Я прочелъ и сказалъ, что подхожу. Тогда мнѣ-же велѣли составить бумагу. Я написалъ, а начальство подписало и успоконилось. Прошло довольно много времени. Меня зовутъ самъ комендантъ и начинаетъ мнѣ читать предлинную нотацію о всѣхъ моихъ грѣхахъ и заблужденіяхъ. И замѣчательно, что на этотъ разъ онъ избѣгаетъ говорить мнѣ „ты“. Ни „ты“, ни „вы“. Слушалъ, слушалъ я и, наконецъ, дождался. Комендантъ въ концѣ нотаціи поздравилъ меня съ освобожденіемъ изъ каторги съ замѣной остального срока ссылкой. Командиръ роты посовѣтовалъ мнѣ написать въ Москву въ „Русское Слово“, гдѣ были мои знакомые Оммулевскій и Засодимскій, чтобы они меня встрѣтили. Я это сдѣлалъ, и какъ былъ въ арестантскомъ платьѣ, такъ и запагалъ по крѣпости...

Здѣсь Г. Н. радостно засмѣялся и восторженно прибавилъ:

— Какъ это было странно, если-бы вы знали! Иду безъ конвоя за ворота, затѣмъ по острову, затѣмъ по городу и себѣ не вѣрю!..

Затѣмъ всѣ шестьсотъ верстъ до мѣста ссылки прошелъ пѣшкомъ уже въ штатскомъ платьѣ, заказанномъ черезъ фельдфебеля... Только безъ пальто, хотя была уже зима. Впрочемъ, я грѣлся, скоро шагая... Молодъ былъ!..—закончилъ Г. Н.

IX.

Въ ссылкѣ, какъ извѣстно, Г. Н. познакомился съ Александрой Викторовной Лаврской и на ней женился.

Однажды онъ мнѣ рассказывалъ, какъ везъ по одной изъ китайскихъ рѣкъ въ лодкѣ гробъ погибшей въ Китаѣ своей жены и какъ затѣмъ въ теченіе полугода не могъ буквально осушить своихъ слезъ объ этой невозвратимой потерѣ.

— О чемъ-бы я ни говорилъ, кого-бы я ни видѣлъ передъ собою, я вспоминалъ о ней и слезы въ ту же секунду начинали мнѣ застилать глаза...—говорилъ Г. Н.

Весною 1911 года мы вмѣстѣ съ нимъ выѣхали на пароходѣ изъ Томска на Алтай. Только вмѣстѣ путь нашъ продолжался до Барнаула. Онъ ѣхалъ на сѣверный Алтай, въ Анось, гдѣ живутъ остатки племени алтайцевъ-шаманистовъ, а меня „командировалъ“ въ юго-восточную часть Алтая, въ Бухтарминскій край, куда я и направился на дѣлный годъ.

Этотъ совмѣстный путь до Барнаула въ обществѣ Г. Н. былъ особенно богатъ его разсказами. Опять я слышалъ и новыя сказки о Востокахъ, и легенды, и воспоминанія. Но этимъ

не оговаривалось. Г. Н. всюду дѣлает свое большое дѣло: культурное служеніе родинѣ. Въ Ново-Николаевскѣ, въ каютѣ парохода, съ предсѣдателемъ биржевого общества г. Витте у него происходитъ совѣщаніе объ образованіи при Обществѣ изученія Сибири обследованія хлѣбной торговли въ Сибири. Попутно Г. Н. пишетъ дѣловыя письма. Вспоминаетъ объ этнографическомъ бурятскомъ вечерѣ въ Иркутскѣ и даетъ мнѣ директивы для статьи объ этомъ въ „Сибирскую Жизнь“. Тутъ-же въ багажѣ своемъ везетъ приборы для ботаническихъ коллекцій на Алтай, что будутъ дѣлать курсистки-слушательницы естественныхъ наукъ, которыя прѣдутъ на Алтай изъ Петербурга. А когда гуляетъ по балкону парохода, то, указывая на крутые берега Оби съ треугольными остатками снѣга въ ихъ оврагахъ, говоритъ:

— Восточные народы мотивы для своихъ орнаментовъ брали, вѣроятно, у самой природы... Вамъ не кажется, что тотъ вонъ изогнувшійся яръ напоминаетъ желтый сыромятный ремень, окованный серебряными бляхами?

Всему и всегда Г. Н. найдетъ оригинальное образное сравненіе, все освѣтитъ своимъ проникновеннымъ разумомъ, согрѣетъ своей большой любовью. Для выраженія своихъ чувствъ у него нѣтъ ни возгласовъ, ни междометій восхищенія, ни даже имени прилагательныхъ. Для этого у него всегда подъ рукою правдивый краткій красочный рассказъ изъ самой жизни или мѣткая цитата изъ классической или спеціальной литературы.

Словомъ, въ тихихъ рѣчкахъ и въ медленныхъ движеніяхъ его неугасимо горитъ дѣятельная работа на пользу человѣка и особенно на пользу родины его Сибири, во всѣ уголки которой изъ его сердца тянутся невидимыя нити свѣтлой любви.

Разставаясь съ Г. Н. въ Барнаулѣ и отправляясь на Бухтарму къ дикой китайской границѣ, я тоже несъ въ своей душѣ такую нить его любви и, нанизывая на нее гдѣ можно, былъ необыкновенно счастливъ тѣмъ, что насъ соединяетъ эта нить.

Лѣтомъ уже на Бухтармѣ я прочелъ въ одной изъ газетъ замѣтку, что Г. Н. женился вторымъ бракомъ на поэтессѣ М. Г. Васильевой.

Вскорѣ я получилъ письмо изъ Томска, въ которомъ мнѣ писали, что, наконецъ-то, Г. Н. на склонѣ лѣтъ не будетъ одинокъ въ своихъ работахъ, въ жизни и въ своихъ научныхъ путешествіяхъ.

Я сгоралъ отъ нетерпѣнія увидѣть сѣдловскаго молодожена въ новой обстановкѣ, при этомъ вспомнилъ одну сцену, когда однажды, прійдя къ Г. Н., я увидѣлъ, что „Антигона“—дѣвушка, которая сопровождала Г. Н. въ его хозяйственныхъ и дѣловыхъ хожденіяхъ по Томску,—разостлавши на полу его старую шубу, пришивала къ ней заплатки.

Но Бухтарма меня держала крѣпко своими

ясачными каменщиками, и мнѣ нельзя было поѣхать въ далекій Томскъ. Въ февралѣ 1912 г. я неожиданно получаю телеграфное предложеніе изъ Барнаула о принятіи на себя обязанностей редактора газеты „Жизнь Алтая“.

Признаться, я былъ очень удивленъ тому, что сравнительно богатая хорошими сотрудниками газета избираетъ въ свои редакторы столь неизвѣстнаго и молодого человѣка. И только прѣхавши на мѣсто я узналъ, что „Жизнь Алтая“ дѣлала запросъ Г. Н., который и рекомендовалъ меня.

Конечно, надо было оправдывать его рекомендацию, и потому поѣздка моя въ Томскъ опять откладывалась въ долгій ящикъ. Впрочемъ, въ концѣ лѣта Г. Н. съ молодой супругою отправился въ Петербургъ хлопотать о субсидіи для Общества изученія Сибири на предметъ обследованія хлѣбнаго дѣла и прочихъ нуждъ общества.

И только въ концѣ 1912 года я снова увидѣлся съ нимъ. Я не узналъ его: до такой степени онъ показался мнѣ помолодѣвшимъ, жизнерадостнымъ и еще болѣе работоспособнымъ.

Осенью 1912 года онъ выпускаетъ свою „Сагу о Соломонѣ“. Въ началѣ 1913 г., какъ я сказалъ выше, начинаетъ писать свои мемуары, а съ весны снова отправляется въ научную экспедицію по порученію Западно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества—въ Каркаралинскій уѣздъ, на притокъ рѣки Токрау, записывать киргизскую изустную литературу.

На этотъ разъ супруга его уже не сопровождаетъ. Не состоялась предполагаемая научная поѣздка на Алтай и въ 1914 году...

Впрочемъ, Г. Н. даромъ не теряетъ времени. Лѣтомъ 1914 г. онъ написалъ самую значительную часть своихъ воспоминаній.

Но въ этомъ году онъ сталъ уже плохо видѣть и безъ секретаря не могъ работать. Роль секретаря отчасти исполняла Марія Георгіевна, а больше друзья и почитательницы Григорія Николаевича. Впрочемъ, были и спеціально нанятые барышни, которымъ Г. Н. диктовалъ да и теперь диктуетъ, изрѣдка лишь досаждая Маріи Георгіевнѣ...

X.

Ухудшеніе зрѣнія причиняетъ Г. Н. большое огорченіе, главнымъ образомъ, потому, что онъ не можетъ одинъ безъ секретаря ни писать, ни читать. Диктуя секретарю статью и нуждаясь въ какой-либо цитатѣ, онъ долженъ на память указывать книгу, главу въ ней и страницу, и только тогда барышня-секретарь или Марія Георгіевна находятъ нужное мѣсто.

Въ особенности тяжело Григорію Николаевичу, когда онъ остается у себя одинъ.

— Я не привыкъ сидѣть сложа руки и, когда остаюсь одинъ, чувствую себя какимъ-то дармоѣдомъ... Голова работаетъ отлично, хотѣлось-бы

работать или читать, а не могу... Надо ждать секретаря.

Впрочемъ, изрѣдка Г. Н., уединившись, все-таки читаетъ, хотя и съ чрезвычайнымъ напряженіемъ.

И шутить о себѣ:

— Я и пишу изрѣдка, но только оторвавшись отъ строчки не могу нацѣлиться въ то мѣсто, гдѣ прервалъ письмо.

Иногда Г. Н. просятъ о чемъ-либо похлопотать, для чего необходимо куда-либо пойти ему самому.

Онъ охотно соглашается, но строго говоритъ:

— Но только меня нужно конвоировать, иначе я одинъ, пожалуй, не найду дорогу!

На нынѣшнюю выставку картинъ онъ отправился подъ моимъ „конвоемъ“, причемъ, несмотря на дырчатые галоши, не захотѣлъ сѣсть на извозчика.

Когда-же пришелъ на выставку и сталъ осматривать картины, то опять пошутилъ надъ собою:

— Ну, что-же?.. Я вижу однѣ рамы!..

Почувъвъ эту тяжелую утрату свѣта, одинъ изъ ближайшихъ друзей Г. Н., живущій въ Петроградѣ, С. П. Швецовъ прислалъ ему въ подарокъ диктофонъ.

В. Я. Шишковъ собралъ машину и направилъ ее для работы, но Г. Н. долго не прибѣгалъ къ помощи диктофона.

Наконецъ, онъ какъ-то усадилъ меня за столъ, попросилъ взять бумагу и перо и продиктовалъ:

„Глубокоуважаемый

Сергѣй Порфирьевичъ (Швецовъ).

Присланный мнѣ вами диктофонъ собранъ и стоитъ въ моей комнатѣ, какъ чья-то чужая вещь.

Какое-то странное психическое отношеніе. Я боюсь до него дотронуться, какъ бы не изломать и не получить выговоръ. Хочу сначала пройти курсъ обращенія съ нимъ и, когда познакомлюсь со всѣми его кнопками и задвижками, только тогда примусь диктовать.

Но боюсь, что мой умственный аппаратъ окажется неприспособленнымъ къ этой машинѣ. Я совсѣмъ не стилистъ. У меня никогда фраза не выходитъ начисто. Рѣдко у меня письмо выливается за одинъ приемъ, а всегда моя рукопись появляется на свѣтъ со множествомъ помарокъ.

Память у меня устарѣла,—диктуетъ дальше Г. Н.,—я помню давно прошедшее и забываю

ближайшее: позавтракалъ, но черезъ часъ я уже не помню: завтракалъ я сегодня или нѣтъ“...

Но здѣсь, конечно, Г. Н., по свойственной ему скромности и способности шутить надъ самимъ собою, нѣсколько преуменьшаетъ качества своей памяти и способности отливать свои статьи за одинъ приемъ.

Впрочемъ, 23 ноября минувшаго года онъ въ средѣ ближайшихъ своихъ друзей и почтителей съ грустью сказалъ:

— Вотъ ничего какъ-то не хочется начинать дѣлать...

— Почему-же, Григорій Николаевичъ?—спросилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Да какъ-же: у молодого есть надежда начать работу и кончить, а у меня ужъ нѣтъ ея. Приходится пробавляться мелочами... Но и мелочи не всѣ проходятъ... Вонъ „они“ (редакція „Сибирской Жизни“) перестали печатать „Воспоминанія“...

Въ это время пришелъ профессоръ Вейнбергъ съ супругою, и разговоръ зашелъ о новомъ портретѣ Г. Н., только что законченномъ художникомъ финляндецъ г. Горенбургомъ.

Все съ тѣмъ-же оттѣнкомъ мрачности Г. Н. сказалъ:

— Я не люблю своихъ портретовъ, въ особенности хорошихъ.

— Почему-же?—снова насторожились гости.

— Художники имѣютъ способность улавливать и передавать на полотно душу, а главное, не только хорошія, но и дурныя ея стороны... А у кого-же есть охота, чтобы его дурныя стороны были выставлены напоказъ!

Всѣ присутствовавшіе, я думаю, тщетно искали дурныхъ сторонъ въ душѣ Григорія Николаевича.

Они видѣли здѣсь только ту же скромность, за которою и до сихъ поръ скрывается много прекрасныхъ, идеальныхъ чертъ его души.

Но грустныя минуты посѣщаютъ Григорія Николаевича все-же рѣдко. Это потому, конечно, что мозгъ его и сердце всегда въ работѣ.

Осенью прошлаго года онъ опять закончилъ большую работу о Монголіи для Петрограда, зимою занялъ былъ монгольскимъ сборникомъ, который выйдетъ въ изданіи Общества изученія Сибири; написалъ много статей для „Сибирской Жизни“... А весною съ прежнею неутомимостью поѣхалъ снова съ научной цѣлью на Алтай...

Да хранить его Провидѣніе еще на долгіе годы святой подвижнической жизни!

Григорій Гребенниковъ.